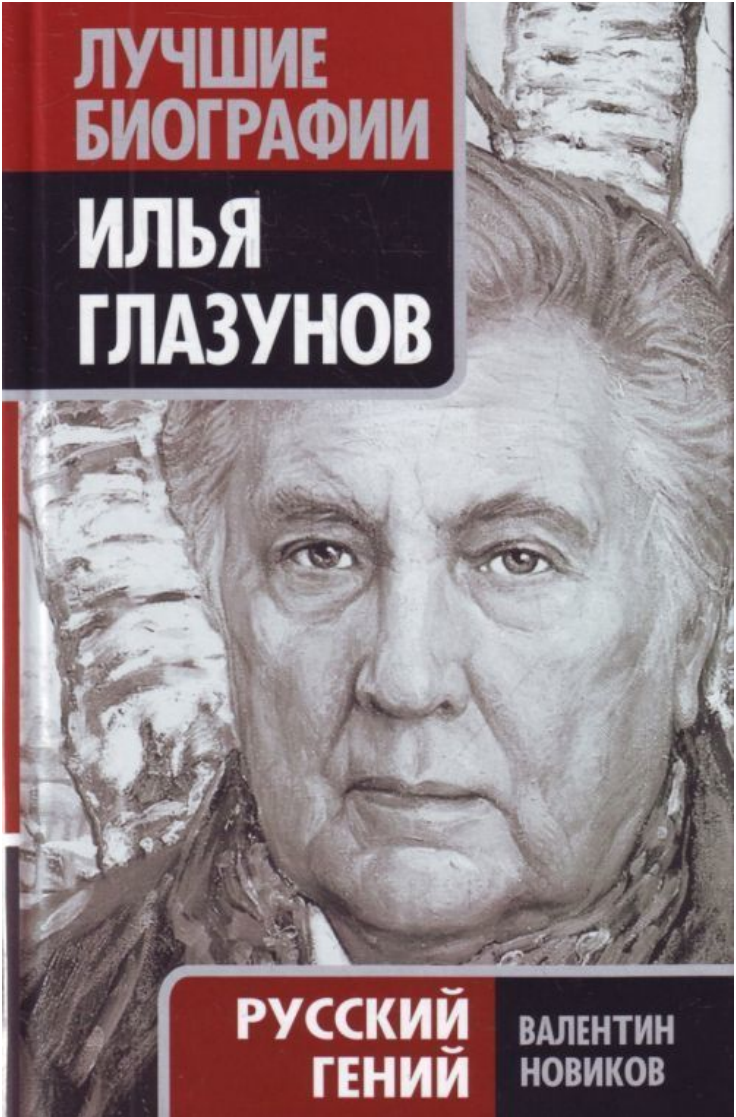
ЛУЧШИЕ БИОГРАФИИ

ИЛЬЯ ГЛАЗУНОВ



РУССКИЙ ГЕНИЙ

ВАЛЕНТИН НОВИКОВ

Валентин Сергеевич Новиков

Илья Глазунов. Русский гений

Серия «Лучшие биографии»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16396504
Илья Глазунов. Русский гений: Алгоритм; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-37511-0

Аннотация

Уже полвека пытаются объяснить феномен Глазунова, а его творчество по-прежнему остается загадкой. Наш великий современник, художник номер один, он продолжает высокие традиции реализма, отечественной культуры, проникнутые всемирной отзывчивостью. Искусство Глазунова – всегда и вызов, и призыв. Вызов предательству, надругательству над святынями, разрушению духовных основ, антикультуре. Призыв к борьбе за вечную Россию, ее возрождение и созидание. Живет и здравствует созданная им на закате минувшего века Российская академия живописи, ваяния и зодчества – это ли не подвиг во времена всеобщего упадка культуры? Книга о жизни и творчестве всемирно признанного художника – еще одна встреча с его необыкновенной личностью и грандиозным искусством.

Содержание

Феномен Глазунова 5
Жизнь словно мозаика других жизней 18
Родовое предание 18
Желанный гость семейства Флугов 23
Генеральская шинель 27
Любимый наставник наследника престола 33
Крик души 40
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Валентин Сергеевич Новиков
Илья Глазунов. Русский гений

© Новиков В. С., 2009
© ООО «Алгоритм-Книга», 2009
© ООО «Издательство Эксмо», 2009

Феномен Глазунова

Илья Глазунов снискал славу самого «скандального» и самого выдающегося художника XX века. Примечательно, что безоговорочное и, можно сказать, официальное подтверждение титула «самый выдающийся художник XX века» он получил под занавес уходящего и в канун наступающего столетия, причем не только на родине – по результатам опроса соотечественников, но и в международном масштабе: ЮНЕСКО удостоило его высшей награды – Золотой медали, присуждаемой за особо выдающийся вклад в мировую культуру.

Действительно, начиная с 1957 года, когда успех первой персональной выставки Глазунова в ЦДРИ отозвался эхом во всем мире, интерес к его творчеству не иссякает. Каждая новая выставка становится значительнейшим событием не просто культурной, но и общественной жизни. А ведь многие, начинавшие вместе с ним художники и получившие в свое время известность, как бы сошли с дистанции, давно отойдя в тень. Пример так называемых шестидесятников показателен.

Не кажутся странными утверждения самого Глазунова о том, что он не меняется и не отказывается ни от одного своего поступка, картины или высказывания. При всех социальных поворотах каждое новое монументальное полотно художника воспринимается зрителями как откровение, а

пресса захлебывается от негодования по поводу очередной «скандальной» выходки Глазунова.

Но как бы ни стремились отнести Глазунова к некоему ряду «потрясателей основ» его оппоненты и критики, раньше обслуживавшие официальную советскую пропаганду, а теперь так называемую демократическую, большинство соотечественников признало в нем русского национального гения, воссоздающего подлинный исторический образ России и указывающего путь к ее духовному возрождению. Свидетельство тому – бесчисленные записи в неподъемных томах книг отзывов с каждой выставки художника. Кстати, такие отзывы справедливо считаются единственной формой выражения истинного общественного мнения.

Ученый Владислав Краснов, проживающий в США, проанализировал записи отзывов с выставок Глазунова, состоявшихся в московском и петербургском Манежах. И пришел к выводу, что из 10 посетителей 8 – за Глазунова! Исследование ученого было опубликовано за рубежом. Но что это для хулителей Глазунова! Они и народ-то не жалуют, называя его не иначе как быдлом.

С другой стороны, чернить публику не всегда с руки. Ведь она – признак успеха, и прежде всего финансового, чем более всего озабочены дельцы от культуры. Если на концерте или выставке присутствуют два-три человека – это провал, а не свидетельство избранности того или иного «творца», почему-то не получающего признания, ибо, как справедливо

считает сам Глазунов, непризнанных гениев не бывает. Потому для дискредитации хороши все средства. Вспомнить только, какой возмутительный (ныне уже ставший привычным) способ дезинформации был использован в новостях об открытии выставки художника в год празднования тысячелетия крещения Руси. Было это в столичном Дворце молодежи, где тогда же в соседних залах открывалась выставка известных представителей «современного искусства». Там у входа толпилась жалкая кучка людей – пара-тройка десятков, как говорится, родных и близких. А очередь на Глазунова, где экспонировалось всего около 40 работ, огибая здание, уходила в глубь примыкающего парка. Мой друг, известный ученый, простоял с сыновьями на немыслимой жаре около семи часов, чтобы попасть в зал. А в вечернем выпуске новостей популярный комментатор, пристегнув кадры с очередью на выставку Глазунова, восторженно рассказывал о вернисаже творцов «современного искусства», и наоборот, весьма пристрастно комментируя выставку Ильи Сергеевича, показал малочисленных посетителей соседнего вернисажа.

Стоит ли поэтому удивляться отсутствию информации о восприятии творчества Глазунова крупнейшими деятелями мировой культуры, о реакции западной прессы на его триумф за рубежом. Кто, к примеру, хотя бы слышал об оформлении Ильей Глазуновым интерьеров советского (ныне российского) посольства в Мадриде, о состоявшейся в испанской столице его выставке? Тогда мэр Мадрида Терно Галь-

ван, ознакомившись с проектом оформления здания, заявил, что оно будет лучшим украшением столицы. А в предисловии к каталогу выставки, которую открыл в самом престижном зале, назвал Глазунова гениальным художником. Так же восторженно отзывалась о нем испанская пресса. Даже мне, так или иначе соприкасающемуся с творчеством Глазунова три десятка лет, ничего об этом из наших средств информации почерпнуть не удалось. Зато мимолетные и ничтожные по своему значению наскоки за рубеж тех же авангардистов со своим «вторсырьем», реанимирующим «искания» коминтерновских погромщиков искусства 20-х годов, выдавались и пропагандировались как убедительные победы советского искусства. После той испанской поездки широкую огласку получило у нас интервью местному журналисту, где Илья Глазунов представлен махровым антисоветчиком. Эта история была высвечена известинским корреспондентом и послужила поводом для очередного витка травли художника. Правда, и на этот раз затея оказалась ее ретивым зачинщикам не по зубам: слишком много было у Глазунова поклонников его таланта.

Мировое искусство не знает другого примера, чтобы выставку какого-либо художника за месяц с небольшим смогли посетить, как в том же Дворце молодежи, около двух миллионов человек! Для Запада ошеломляющий успех – несколько десятков тысяч посетителей. Но для Глазунова сверхрекорды посещаемости были и остаются обычным явлением. Что

же притягивало и по сей день влечет людей на его выставки?

В годы безраздельного диктата коммунистической идеологии, когда в общественном сознании беспощадно вытравливались любые проявления русской национальной самобытности, Илья Глазунов с удивительным бесстрашием и последовательностью обращался в своих произведениях к обычаям и традициям русского народа, к историческому облику великой державной России, воскрешая национальные представления о православном духовном идеале Святой Руси как Дома Пресвятой Богородицы.

Создавая художественную летопись исторического пути России, он неустанно и упорно возвращал в общественное сознание образы великих русских монархов, подвижников православной веры, полководцев, строителей государственности, деятелей литературы и искусства, составляющих могущество и славу Отечества, имена которых были очернены или преданы лукавому забвению. Ну кто дерзнул бы тогда в качестве идеального государственного деятеля публично превозносить выдающегося реформатора Петра Аркадьевича Столыпина? Преданный анафеме, Столыпин упоминался только как вешатель.

Для Запада Глазунов явился «одним из самых великих современных художников, нашедшим путь к синтезу наследия классической русской и современной мировой культуры» (Испания); «гениальным и мужественным, до конца преданным России – стране с безграничной готовностью к ве-

ре и страданию» (ФРГ); творцом, перед которым «русский народ действительно преклоняется» (США). В столь превосходных степенях отзывались о творчестве Глазунова знаменитые деятели мировой культуры, виднейшие государственные и общественные лидеры разных стран.

Несколько лет назад с группой молодых российских художников я попал в мастерскую выдающегося испанского скульптора Хуана де Авалоса, классика XX века, создателя грандиозного мемориала жертвам гражданской войны в Испании. От него и довелось услышать вот такое емкое определение личности Глазунова: «Он показывает, каким должен быть художник. Горе и страдания своего народа, исторические проблемы, которые он воплощает в своих картинах, отделяют его от сиюминутности, от политических интриг. Он идет своим путем. Он выделяется среди общества, которое имеет еще не вполне ясные представления о своих устремлениях, как гениальная личность. Его успех объясняется огромным талантом, искренностью, полной отдачей своей жизни искусству». В этих словах – промыслительная, провидческая сущность таланта великого художника.

Илья Глазунов всегда выступал против известного, нещадно эксплуатировавшегося постулата о том, что будто бы историю творят массы. Историю творят личности, утверждал он. И сам остается такой личностью, формируя национальное самосознание, способствуя русскому возрождению. Этому служит его искусство, вся необъятная просветитель-

ская и организаторская деятельность. Какой шок и растерянность вызывали у официальных властей печатные и публичные выступления Глазунова в многолюдных аудиториях, развенчивающие клеветнические пропагандистские мифы о «беспросветном проклятом прошлом» дореволюционной России, бывшей якобы тюрьмой народов! Он, фактически единственный, открыто утверждал, что Россия была самой сильной и свободной страной. Не случайно под крыльями российского орла искали убежище многие племена и народы, спасаясь от неминуемого истребления жестокими и хищными соседями. И не было страны, равной России по уровню духовного и экономического потенциала.

Особую роль в консолидации патриотических сил сыграл созданный Глазуновым в Германии совместно с виднейшим деятелем второй волны русской эмиграции Олегом Красовским монархический независимый альманах «Вече». Неоценимо значение Глазунова в создании Российской Академии живописи, ваяния и зодчества. Перед чем оказалось бессильно целое государство, сделал Глазунов. И теперь его академия, выпустившая в свет уже не одно поколение первоклассных художников, признана лучшим в мире учебным художественным заведением!

Вспоминаются слова, сказанные в 1921 году немецким романистом Я. Вассерманом в адрес наиболее любимого художником писателя и мыслителя Ф. М. Достоевского: «Редко так случалось, чтобы один-единственный человек, не бу-

дучи основоположником религии или покорителем мира, произвел столь значительные изменения в психологической ситуации нескольких поколений» [1]. Их с полным основанием можно отнести и к Илье Глазунову. Его имя стало одним из самых ярких символов национального самосознания и духовного возрождения России.

Крах советской системы в конце XX века парализовал всю страну. Жестоким ударам подверглись культура и искусство. Представители творческих профессий с вожделенной «свободой творчества», лишившись традиционной государственной поддержки, оказались за бортом жизни и были вынуждены переключиться на решение уже не профессиональных задач, а проблем элементарного выживания. Последовавший криминальный передел имущества творческих союзов еще больше осложнил и без того незавидное положение творческих работников. Благоденствовали лишь ловкачи, причисленные к так называемой демократической элите. Они ловко прокручивали свои дела в воцарившейся атмосфере нравственного, экономического и правового беспредела, тотальной коммерциализации, деморализации и профессиональной деградации культуры, насильственно лишаемой традиционных идеалов и ориентиров.

И тем не менее сохранившиеся здоровые силы не капитулировали.

Новое время озвучило и новые творческие имена. Но по-

---

[1] Литературное наследство. Ф. М. Достоевский. М.: Наука, 1973, т. 86, с. 716.

прежнему, как высказался об Илье Глазунове всем известный Сергей Владимирович Михалков, «на общем фоне духовной и культурной жизни эта фигура не имеет себе равных как по индивидуальности художественного мышления, так и по творческому и общественному имиджу».

Выставки произведений Глазунова, состоявшиеся в начале 2000 года в Москве и Петербурге, со всей очевидностью подтвердили правоту патриарха отечественной словесности. Правда, высказывались предположения, что ограбленному и обездоленному народу уже не до искусства, раздавались и злорадные пророчества недоброжелателей о неминуемом провале «всем надоевшего Глазунова». Однако открытие выставки с нескончаемой чередой народа поставило все на место. Художник потряс публику масштабностью и разнообразием экспозиции, включавшей, помимо известных, около сотни новых работ. Сенсационными стали историко-философские полотна – «Разгром храма в Пасхальную ночь» и «Рынок нашей демократии». Были здесь представлены и архитектурные (причем блестяще уже реализованные) проекты, открывшие новые грани его таланта. И вновь, как в былые времена, тома книг отзывов разбухали от выражения восторга и преклонения.

Творчество Глазунова давно разделило зрителей на два лагеря. Подавляющая часть их на стороне художника. Понятно и то, что «вдохновляет» его врагов – лютая ненависть к России и русскому народу. Накал же страстей вокруг Гла-

зунова перешел всякие границы. Что можно сказать, когда среди опусов по поводу упоминавшихся выставок в Манежах красуется материалец, прямо подстрекающий к уголовному, точнее политическому, преступлению: уже не к творческому, как прежде, а физическому уничтожению художника? В заголовок статьи выносится: «Убить Глазунова».

С прямыми недругами художника еще в советское время смыкалась объединенная разномастная рать его коллег, включавшая именитых столпов и менее маститых старателей «соцреализма», «бунтарей», зараженных «авангардом» и одержимых иными побуждениями. Сплоченная клановыми интересами, она кормилась в структурах Союза художников и Академии художеств СССР, на дух не хотела принимать и терпеть в своих рядах Глазунова. Это была весьма уникальная и единственная в своем роде ситуация. Ведь одно дело, когда подобное случается с неким впавшим в манию величия претендентом на особое место в искусстве. И другое, если речь идет о всемирно признанном таланте.

Обвинялся Глазунов и в принадлежности к так называемым «официальным» художникам. Хотя ни с какими структурами, проводившими официальную идеологию в искусстве, он не был связан. И в то же время не снимались с него ярлыки убежденного антисоветчика и «проповедника религиозного фанатизма», искусство которого «не помогает строить коммунизм».

Есть одна особенность в общественном восприятии твор-

чества Ильи Глазунова. В яростных спорах, разгоравшихся вокруг его картин, выставок и творчества в целом, на первый план всегда выходили идеологические, социальные проблемы. Художественный анализ произведений и творческой индивидуальности художника как блистательного колориста, величайшего мастера рисунка и композиции, картины которого сравнимы с симфонией в музыке или романом в литературе, чаще всего оставался в стороне.

Приоткрыть тайну «феномена Глазунова» непросто. Уже потому, что при поразительно насыщенной, яркой жизни художника невозможно абстрагироваться от многих общественных процессов, активным участником которых был сам Илья Глазунов.

Лучшим образом прокомментировать их может сам художник, что он при необходимости и делает со всей присущей ему искренностью и откровенностью. Однако Глазунов живет и измеряет жизнь по особым меркам, присущим действительно великим личностям. И то, что для великого человека представляется обычным, рядовым делом, для других, быть может, – недосягаемая высота.

Несколько лет назад мне довелось присутствовать на торжественном открытии замечательного памятника московского зодчества – Белых палат на Пречистенке после завершения их реставрации, длившейся около двух десятков лет. Факт спасения такого бесценного исторического объекта, приговоренного к уничтожению, единодушно оценивался

как проявление Божьей милости, облеченной в чей-то безымянный подвиг. И вдруг один из почетных гостей, выступавших на торжестве, рассказал, как было дело. В конце 60-х – начале 70-х годов, когда в Москве велась очередная кампания по ликвидации памятников истории и культуры, властями было принято решение о срочном сносе Белых палат и других исторических зданий на Пречистенке. Предлогом для акции послужил предстоящий визит американского президента Никсона – для проезда его кортежа якобы требовалось расширить улицу. Но в ночь сноса Пречистенки улицу заполнили студенты, возглавляемые Глазуновым, которые вместе с ним буквально ложились под бульдозеры. В результате разразившегося общественного скандала удалось Пречистенку отстоять…

Надо было видеть побагровевшую физиономию функционера, ведущего церемонию, когда тот, повернувшись к выступавшему гостю, рявкнул ему в ухо: «О Глазунове – ни слова!» Оказалось, что в те годы функционер сам принадлежал к той категории ответственных чиновников, которые санкционировали погром исторической Москвы.

Когда же я попросил подробнее рассказать об услышанном в тот вечер, Илья Сергеевич только махнул рукой: «Да что там эти палаты! Ты же сам знаешь, что тогда происходило в Москве, – шла настоящая битва за спасение всего ее обреченного исторического наследия. Главное, что эту битву мы выиграли. А вот какая борьба развернулась за спасе-

ние памятников Ленинграда – например, храма Воскресения Христова («Спаса на крови»), возведенного на месте убийства императора Александра II, – тоже весьма интересная история…»

«Всякое событие и личность интересны прежде всего тем, как они выражают определяющие черты той или иной исторической эпохи», – считает Глазунов. Слагая вехи его жизненного и творческого пути, постараемся следовать этому принципу. Правда, по моим наблюдениям, проходных, «неисторических» событий или периодов у него не было. Хотя сам он нередко с огорчением утверждает, что львиная доля времени, столь необходимая для творчества, уходит на преодоление чиновничьих и иных препон.

Жизнь словно мозаика других жизней

Родовое предание

Общеизвестно, что линия жизни каждого человека во многом предопределена его происхождением, родовыми корнями, окружающей с детства обстановкой. Не в столь далекие советские времена гарантом социальной доброкачественности и надежности человека служило пролетарское происхождение. Принадлежность к интеллигентской «прослойке» в официальных инстанциях вызывала определенную настороженность. К примеру, прием в партию интеллигенции строго лимитировался, даже если кандидат являлся таковым в первом поколении. А что уж говорить, если человек принадлежал к какому-либо из так называемых эксплуататорских сословий! Такое родство даже в «застойные» годы приходилось если не скрывать, то уж во всяком случае не афишировать. Поэтому в прежние времена вопрос о родовой принадлежности Ильи Глазунова в разного рода публикациях практически не поднимался, а если и затрагивался, то в соответствующем ключе и надлежащих пределах. Впрочем, поглощенному борьбой за свое место в искусстве и будущее

России самому Илье Сергеевичу было не до генеалогии, хотя живая память о родителях и предках служила ему источником сил и вдохновения. И лишь когда пришла пора написать книгу-исповедь, в которой он, по его словам, хотел бы вернуть народу многое из того, что оболгано и оклеветано, выразить свой взгляд на добро и зло в этом мире, ответить на «проклятые» вопросы, поставленные временем и историей, – тогда и возникла настоятельная необходимость в архиве.

Архивные документы, будто увиденные впервые, возвращали к памяти свидетельства и трагические картины прошлого. Или родовое древо художника. Уходящее по материнской линии в глубины славянской древности, по нему впору писать очерки российской истории. Независимо от рода занятий предки Глазунова были богато одаренными художественными натурами – занимались музыкой, живописью, поэзией, историческими и научными исследованиями и уж непременно были ценителями и собирателями произведений искусства. Так, дядя художника, академик медицины Михаил Федорович Глазунов, собрал ценнейшую библиотеку и коллекцию картин русских художников. Перед своей кончиной он завещал ее Саратовскому художественному музею, где она хранится и по сей день. Все это многообразие творческих талантов сфокусировалось и блистательно воплотилось в творчестве Ильи Глазунова…

Признаюсь, когда я впервые соприкоснулся с историей ро-

да Ильи Сергеевича по материнской линии, то от неожиданности и кажущейся невероятности был просто ошеломлен и зачарован ею, как прекрасной романтической сказкой. Сам Илья Сергеевич услышал об этом в раннем детстве от своей матери Ольги Константиновны Флуг, которая во время прогулок по Васильевскому острову знакомила сына с его родословной, рассказывала об уже ушедших и живущих родственниках, строго предупреждая, что говорить никому ничего нельзя, ибо «ты ведь знаешь, какое сейчас время: кто расстрелян, а кто – выслан».

Семейное предание гласило, что в давние времена в Чехии правила прекрасная и мудрая королева Любуша, которую народ боготворил. Но у нее не было мужа. И некоторые представители знати стали по этому поводу устраивать смуту. Тогда Любуша согласилась с таким предложением: пустить на волю коня, и тот первый мужчина, перед кем он остановится, станет ее супругом… Конь скакал через леса и поля, а за ним в золотой карете следовала со свитой Любуша. Наконец он остановился перед одиноким пахарем, пахавшим безбрежное поле, и ударил копытом. Удивленный пахарь, узнав в чем дело, возгласил: «Быть по сему!» И воткнул свой посох в землю, из которого выросли три розы… Эти розы, произрастающие из жезла и преобразившиеся в форму плуга, вошли в родовой герб рода, ставшего носить фамилию Флуг (по-немецки – плуг)…

С этим преданием в более полном изложении можно по-

знакомиться не только в энциклопедии Брокгауза и Эфрона, но и в других исторических источниках, которые свидетельствуют, что новая королевская чета, благополучно управляясь с государственными делами, основала город Прагу. Впоследствии представители разросшегося королевского рода расселились по Европе. В Россию их занесло в начале XVIII века, когда Петр I пригласил одного из Флугов для преподавания математики и фортификации. Генерал Флуг верно служил России и отличился в битве под Лесной, когда русские разбили шведские войска генерала Левенгаупта, шедшие под Полтаву на помощь Карлу XII.

От Ильи Сергеевича я не раз слышал, что до войны в семейном шкафу под бельем хранился завернутый в газету рулон, на котором тушью было изображено фамильное древо дворянского рода Флугов, уходившее корнями в глубокую древность. Но потом он куда-то исчез: возможно, был перепрятан в более надежное место, так как хранить подобные документы в ту пору было небезопасно – из Ленинграда эшелонами увозили в ссылку лиц непролетарского происхождения (эта участь постигла и некоторых родственников семьи Глазунова). Хотя, скорее всего, вместе с другими ценными бумагами, изображением родового герба и рукописями был утрачен во время блокады.

И вот однажды Илья Сергеевич встретил меня радостно: «А я кое-что нашел!» Загадочно улыбнувшись, спросил: «Хочешь увидеть наш родовой герб?» И тут же из груды

папок и книг, которыми всегда завален гостиный стол его квартиры в Калашном переулке, извлек обширный лист и разложил передо мной. Изумиться было чему: на листе был изображен герб не только в первоначальном виде, но и с последующими модификациями, происшедшими со временем. Неизменной оставалась одна деталь: три проросшие из жезла розы в форме плуга. Спрашивать, в каком архиве была обнаружена эта фамильная реликвия, я не стал, полагая, что о находке Илья Сергеевич расскажет сам в своей книге «Россия распятая».

Мне не раз доводилось встречать в исторических изданиях упоминания о лицах, носивших фамилию Флуг. История этого дворянского рода – предмет особого исследования. Но сейчас хотелось бы остановиться на ближайших предках и родственниках художника, которые оставили живой след в его душе, непосредственно влияли на формирование его личности.

Желанный гость семейства Флугов

Главой рода Флугов является прадед Ильи Сергеевича Карл Карлович, проживавший в середине XIX века со своим семейством в собственном доме на Васильевском острове. Это был душевно отзывчивый человек, неравнодушный к поэзии и искусству, посещавший даже некоторое время Академию художеств. Его ближайшим другом и желанным гостем всего семейства стал выдающийся русский художник Павел Андреевич Федотов, занимавшийся и поэтическим творчеством. Их знакомство произошло случайно: однажды Павел Андреевич, служивший в лейб-гвардейском Финляндском полку, проходя мимо дома Флугов, почувствовал себя дурно и попросил напиться. Вскоре дом Флугов стал для него почти родным. Приходя на обеды, душа общества, он непременно читал свои стихи. Кстати, когда мне самому довелось прочитать написанные его рукой строки поэмы «Женитьба майора», поразило сочетание армейской строгости и выстроенности почерка с юмористичностью произведения, удивительное созвучие его поэтического и художественного дара. Он хорошо играл на гитаре, аккомпанируя своим песням.

По вечерам Федотов за семейным столом рисовал свои жанровые картины, а Карл Карлович, хозяин дома, в это время читал что-то вслух. Члены семьи Флугов, их друзья и да-

же прислуга нередко позировали художнику. Эти рисунки и портреты ныне находятся в Третьяковской галерее и Русском музее. Многим будет интересно узнать, что для «Утра свежего кавалера» позировала горничная Флугов, а для фигуры жеманной невесты в «Сватовстве майора» позировал сам Карл Карлович; себя же Федотов изобразил в образе жениха-майора.

Известен выполненный Федотовым портрет Е. Г. Флуга, изображенного перед свечой с листом бумаги в руке. Возможно, это отец Василия Егоровича Флуга, участника русско-японской войны, генерал-квартирмейстера 2-й Маньчжурской армии. Родившийся в 1860 году, Василий Флуг получил образование в Михайловском артиллерийском училище и Николаевской Академии Генерального штаба. В справочнике «Список генералов по старшинству» 1906 года приводится его послужной список и награды, в том числе и иностранные – офицерский крест Французского ордена Почетного легиона и Командорский крест Бельгийского ордена Леопольда. А в «Вестнике русской конницы» № 19 22 за 1914 год дан поясной портрет с подписью «генерал от инфантерии В. Е. Флуг». Некоторые документы о военной деятельности генерала Флуга содержатся в книге «Тайны русско-японской войны» (М., 1992).

Из этюдов и картин Федотова в доме Флугов скопилась целая коллекция, которую по какому-то случаю Карл Карлович передал своему знакомому, но обратно не получил.

Лишь спустя несколько лет он увидел ее в одном из магазинов, оцененную в 1500 рублей… К сожалению, была утрачена и огромная коллекция портретов прадедов кисти Лампи, старых русских монет и воинских медалей, собранная сыном Карла Карловича, дедом Ильи Сергеевича, Константином Карловичем Флугом.

О личности П. А. Федотова, его чертах характера и своеобразной внешности Константин Карлович оставил ценные, изобилующие редкостными подробностями записи, часть которых Илья Глазунов приводит в своей книге «Россия распятая». В целом же история отношений семьи Флугов с Федотовым занимательна не просто сама по себе, она раскрывает атмосферу жизни, царившую в определенных слоях русского общества того времени, позволяет глубже узнать реальную жизнь дореволюционной России. А вот одно из свидетельств Ильи Глазунова, относящееся к блокадным годам:

«Я помню, как в темной, холодной комнате (тогда как в других лежали мертвые родственники – бабушка, тетя – и жуткой пустотой зияла комната, где умер отец), при свете коптилки на меня неотступно смотрели с портрета кисти Федотова глаза моего прадеда К. К. Флуга. Словно времена остановились, и они до жути пристально внимали из 40-х годов XIX века всему ужасу катастрофы своих потомков в 42-м году XX века. Много лет спустя моя тетя Агнесса Константиновна решила передать этот портрет по просьбе работника Третьяковской галереи в знаменитое национальное

собрание. Несколько лет назад, придя в Третьяковскую галерею, я увидел под стеклом витрины все в той же знакомой рамке на глухом зеленом фоне незабываемые глаза прадеда. Почему-то мне стало страшно, мгновенно встали в памяти ушедшие страшные времена. Под этим портретом от голода умерла моя мать. И еще я вспомнил, как незадолго до войны стоял с матерью в Александро-Невской лавре на торжественном праздновании юбилея великого русского художника П. А. Федотова. Запомнилось грустное надгробие Мартоса, прекрасные траурные марши в мраморе, посвященные великим людям России».

Генеральская шинель

Дед Ильи Сергеевича по материнской линии Константин Карлович Флуг был по образованию горным инженером и служил в Министерстве финансов, занимаясь вопросами, связанными с оборотом золота. Дослужился до чина действительного статского советника, что соответствовало чину армейского генерал-майора. Его усердное служение Отечеству было отмечено многими наградами, и не только российскими. Это и ордена Святого Даниила – от князя Черногорского, Льва и Солнца – от персидского шаха, Кавалерский крест Почетного легиона Франции.

Константин Карлович обладал незаурядными научными и творческими способностями. Он написал книгу о главнейших типах русских золотых монет, несколько работ по истории нумизматики. А в 1909 году вышло его историческое исследование «Викинги и Русь», отражавшее традиционный семейный интерес Флугов к прошлому Отечества. Не чужда ему была и поэзия. В 1914 году Константин Карлович издал сборник своих стихов, сохранившийся в бывшей «Ленинке». В предисловии к нему он написал: «Если кто-либо найдет какое-либо хорошее чувство или проникнется, хотя и ненадолго, непрозаическим настроением, прочтя эти стихи, я буду совершенно удовлетворен и доволен, так как, исходя только из этих желаний, я решился напечатать их».

У одной из родственниц Ильи Сергеевича я видел фотографию 1909 года, на которой запечатлен основательный загородный дом Константина Карловича на станции Дибуны по Финляндской дороге, неподалеку от Куоккалы. Там же жил Илья Ефимович Репин. После Октябрьского переворота дом оказался бесхозным, затем передан под детский сад. А его хозяин был обречен на нищенское и голодное существование. Однажды, в Петрограде, революционный солдат снял с Константина Карловича приглянувшуюся представительную шинель, и, отдав свою изношенную, пояснил, что в таком обмундировании хозяина могут спокойно «укокошить» по классовому признаку. И был вполне прав. Что в ту пору творилось в Петрограде, известно из различных источников. Ярко те события представлены в записках другого, двоюродного деда Ильи Сергеевича – генерала Ф. А. Григорьева, о котором будет рассказано особо. Развернувшаяся тогда сатанинская вакханалия изображена на монументальной композиции И. Глазунова «Разгром православного храма в Пасхальную ночь». Между прочим, в числе запечатленных на ней персонажей на левом крае полотна есть и печальный образ Константина Карловича, облаченного в еще не «экспроприированную» шинель генеральского достоинства. Другая генеральская шинель неслучайно наброшена на тело революционной «жрицы любви».

Со времен Французской революции, названной, как и Октябрьская в России, Великой, присутствие проституток в

храмах стало правилом богоборческой деятельности. Между прочим, среди особ, занимавшихся уличным промыслом, были и принадлежавшие даже к высоким сословиям, и профессиональные революционерки. Вспомним хотя бы А. Коллонтай, ставшую чрезвычайным и полномочным послом России в Швеции, чьи революционные преобразования в области половой жизни небезызвестны. Такая примечательная, по нынешней терминологии, сексуальная окрашенность революции (возродившаяся в период нынешних «перестройки» и «демократии») входила в жизнь и рушила духовные и нравственные устои общества, к которому принадлежал преданно служивший Отечеству Константин Карлович Флуг, скончавшийся от голода в 1920 году.

Помимо всего прочего, он был хорошим семьянином, воспитал пятерых детей – двух сыновей и трех дочерей. Назовем их в порядке старшинства: Валериан, Агнесса, Елизавета, Константин и Ольга – мать Ильи Сергеевича.

Валериан Константинович вместе с семьей был выслан из Ленинграда и умер в ссылке. В годы войны, как следует из его редких писем сестре Агнессе, он работал на Урале. Агнесса Константиновна жила с мужем в Ботаническом саду в деревянном доме на берегу Невки. Неподалеку некогда находился дом Петра Аркадьевича Столыпина, разрушенный взрывом во время покушения на него. Тогда погибло около 30 человек, ожидавших в приемной, и были ранены его малолетние дети. Позже на этом месте был воздвигнут

обелиск, сохранившийся до наших дней. Бывая здесь, Илья Сергеевич, естественно, не может не вспоминать, что в детстве слышал о великом русском реформаторе, чей образ будет сопутствовать ему как идеал государственного деятеля. Оскверненную могилу Столыпина художник восстановит в конце 1980-х годов у стен Успенского собора Киево-Печерской лавры. Помнит он и рассказы тети Аси о том, как после революции к пирсу подгоняли колонны лучших людей города, грузили на баржи, а потом топили в Ладоге и в Финском заливе.

Мужем Агнессы Константиновны был Николай Николаевич Монтеверде, занимавшийся выращиванием лекарственных растений в том же Ботаническом саду. А основателем знаменитого там музея был его отец, известный ботаник Николай Августинович Монтеверде, потомок архитектора Августина Монтеверде, приглашенного из Италии императором Николаем I. Так что у Ильи Глазунова есть дополнительный повод быть признательным одному из самых любимых российских самодержцев, который, усмирив масонский бунт декабристов, на целый век отсрочил революцию.

Николай Николаевич, или дядя Кока, неравнодушный к своему юному племяннику, с удовольствием знакомил его с диковинными растениями Ботанического сада, с которым связывались первые ощущения от благодатного воздействия природы, вхождение в ее мир. Ботанический сад привлекал многих знаменитостей. Здесь любили бывать Репин и Жу-

ковский, Рахманинов и Блок. Дом Монтеверде притягивал душевным теплом и уютом, общением с произведениями искусства и знакомством с русскими сказками, гениально проиллюстрированными Иваном Билибиным.

Во время блокады и в годы эвакуации в Новгородскую область для Ильи, перенесшего смерть родителей и ближайших родственников, тетя Ася с дядей Кокой стали главной опорой в жизни, надеждой на обретение домашнего очага. Необычайно трогательные письма и посылки с книгами, приходившие от них из блокадного Ленинграда, где жизнь едва теплилась под непрерывными обстрелами и бомбежками, помогли ему перенести непоправимое горе, выстоять, не ожесточиться. У них же он нашел на первое время приют после возвращения из эвакуации и в годы учебы.

Другая сестра матери Ильи Сергеевича – Елизавета Константиновна была женой профессора Ленинградской консерватории Рудольфа Ивановича Мервольфа, потомка выходцев из Германии. Ученик выдающегося композитора А. К. Глазунова, чем он очень гордился (в театральном музее Петербурга хранятся две фотографии – Глазунова и Лядова с дарственными надписями), Рудольф Иванович, аккомпанировавший Шаляпину и Крейслеру, близко общался с Исааком Дунаевским и часто выполнял его срочные заказы по аранжировке песен. Рудольф Иванович умер во время блокады 5 июня 1942 года, а его супруга Елизавета Константиновна – 9 августа 1942 года.

В довоенные годы подростком Илья очень дружил с дочерьми Мервольфов – двоюродными сестрами Аллой и Ниной, бывая на даче под Лугой. Холоднее были отношения с их братом Димой, поклонником джаза, который Илья никогда не любил. С началом войны семья Мервольфов отказалась от эвакуации. Дима, призванный в армию, вскоре погиб на острове Эзель. А сестры, пережив блокаду и смерть родителей, продолжали жить в опустошенной квартире, куда и направился с вокзала вернувшийся в родной город Илья Глазунов.

Второй сын К. К. Флуга, Константин Константинович, был белым офицером и чудом спасся, бежав через крышу сарая, в котором должен был быть сожжен заживо вместе с другими офицерами. После гражданской войны, став китаистом, проходил практику в Китае, работал с известным академиком Алексеевым и издал более 20 научных трудов. Кончина его была печальной: он умер в блокаду в один день с отцом Ильи Сергеевича – Сергеем Федоровичем-13 января 1942 года.

Жена Константина Константиновича – актриса Инна Мальвини после смерти мужа эвакуировалась по «Дороге жизни» в Баку. Потом ее следы затерялись, пропала и памятная для Ильи Сергеевича фотография с надписью «Лучшей Анне Карениной от почитателя таланта».

Любимый наставник наследника престола

Прежде чем рассказать о родителях художника, Ольге Константиновне и Сергее Федоровиче, упомянем некоторых других предков Ильи Сергеевича. Но сначала отведем упреки в адрес художника, встречающиеся в публикациях, якобы в чванстве аристократизмом своего старинного рода. Кстати, подобный упрек был высказан в свое время Пушкину. Иван Сергеевич Аксаков, один из столпов русской мысли, писал по этому поводу, что такой упрек несправедлив уже потому, что «наши аристократы мало интересуются своими историческими предками». А Пушкин действительно знал и любил своих предков. И было бы желательно, продолжает свое рассуждение Иван Сергеевич, чтобы связь преданий и чувство исторической преемственности было доступно не одному дворянству, но и всем сословиям. Но что душе Пушкина давала эта любовь к предкам? «Давала и питала лишь живое, здоровое историческое чувство».

Да это будто о жизни и творчестве Ильи Глазунова. А сам Глазунов о значении родовой и исторической памяти высказывается как всегда емко и чрезвычайно актуально для современников: «Где начинается и где кончается наша родовая память о нашем происхождении? Украсть, исказить и уничтожить историю народа – величайшее преступление.

Не случайно ведь, что у большинства народов разных рас и цивилизаций, а особенно у славянского племени, память о предках переходила в религиозное начало. Стереть память о них, об истории народа – значит превратить его в стадо рабов, которым легко управлять. «Хлеба и зрелищ!» Это хорошо понимали коминтерновцы, завоевавшие Великую Россию и уничтожившие не только элиту сословий каждой покоренной нации, но и историческую застройку древних городов, прежние названия улиц и осквернившие старинные кладбища».

Я не раз слышал от Ильи Сергеевича упоминание о книге, подаренной мамой в день рождения, когда ему исполнилось восемь лет. Называлась она «Царские дети и их наставники». И вспоминаю, с какой радостью он подарил мне переиздание этой книги в 1992 году, которой когда-то любовался, благоговейно перелистывая страницы фолианта с золотым обрезом. Тогда же он услышал от мамы: «Не показывай книгу своим друзьям во дворе. Это опасно». – И шепотом добавила: «Ты должен запомнить, что фамилия твоей бабушки и моей матери Елизаветы до замужества была Прилуцкая. Ее сестра, Наталья Дмитриевна, как ты знаешь, вышла замуж за дядю Федю Григорьева, генерала, директора Первого кадетского корпуса у нас в Петербурге на Васильевском острове. А их мать, Мария, была дочерью воспитателя Государя Александра II – Константина Ивановича Арсеньева».

Позже, эвакуированный по знаменитой «Дороге жизни» из блокадного Ленинграда, Илья Глазунов зафиксирует полученные от мамы сведения в своих записях, с которыми мне довелось познакомиться вместе с другими семейными документами, хранящимися в его архиве. Увидел я и запечатленный на дагерротипе образ дочери К. Арсеньева Марии, излучающий красоту и достоинство.

Но остановимся на личности самого Константина Ивановича Арсеньева, тайного советника, академика Петербургской академии наук, родоначальника статистики, известного географа и историка. Родившийся в 1789 году в семье сельского священника Костромской губернии, он, после окончания семинарии, был послан в петербургский Главный педагогический институт, который окончил в 1810 году, где своим усердием обратил на себя внимание профессоров и был оставлен для преподавания латыни и географии. Одновременно занимался статистическими работами по ведомству Министерства внутренних дел.

В 1818–1819 годы у Константина Арсеньева вышло двухтомное сочинение «Начертание статистики Российского государства», в котором впервые была дана оценка численности населения России в XVIII – начале XIX века и подсчитано, что к началу 1812 года в ней проживало около 45 миллионов человек; а после Отечественной войны 1812 года население уменьшилось на 1 миллион.

…Числом в миллион может измеряться население целой народности.

Интересно, что за 43 года до манифеста Александра II об освобождении крестьян К. Арсеньев выступал против крепостного права, утверждая, что «земля, возделанная вольными крестьянами, дает обильнейшие плоды, нежели земли одинакового качества, обработанные крепостными».

В 1819 году Арсеньев стал профессором кафедры географии и статистики Петербургского университета, но спустя два года был изгнан оттуда за либеральные убеждения. От более серьезных последствий его избавило заступничество Великого князя Николая Павловича, впоследствии государя Николая I. А в 1828 году при обсуждении вопроса о воспитании наследника престола, будущего царя Александра II, сам Николай I рекомендовал его в качестве преподавателя истории. Преподавал он наследнику географию и статистику.

По мнению современников, К. Арсеньев внушил будущему царю многие идеи, которые реализовались в ходе реформ 1860–1870-х годов. В 1848 году вышла новая работа Арсеньева «Статистические очерки России», первая по экономической географии страны.

Процесс обучения Александра II был возложен на выдающегося русского поэта Василия Андреевича Жуковского. Его замещал Арсеньев. С наследником престола у Константина Ивановича сложились теплые доверительные отношения, о чем свидетельствуют письма будущего царя своему

воспитателю. В одном из них, посланном из Вены, он пишет:

> «…я чувствую себя, благодаря Бога, совершенно хорошо и прошу вас, любезный Константин Иванович, не забывать вас от души любящего.
> *Александр».*

О научных заслугах К. И. Арсеньева перед Отечеством можно прочесть в книгах, ставших библиографической редкостью, и энциклопедических справочниках. Но, знакомясь с ними, я поначалу не мог понять, почему столь известный и авторитетный человек закончил свой земной путь в Петрозаводске. По этому поводу петрозаводский историк А. Пашков по моей просьбе нашел и прислал мне любопытные материалы. Оказывается, когда 2 сентября 1812 года Наполеон вступил в Москву, министр народного просвещения граф А. К. Разумовский, опасаясь движения наполеоновских войск на Петербург, распорядился эвакуировать в Петрозаводск Академию художеств, Академию наук, Медико-хирургическую академию, Публичную библиотеку и Главный педагогический институт. Туда же отправились и сокровища Эрмитажа. Эвакуация производилась не менее чем на шести судах. Арсеньев оставил свои записки, оказавшись в той экспедиции. В Петрозаводске он, по просьбе начальника олонецких горных заводов А. В. Армстронга, составил их описания «в историческом и статистическом отношениях».

В этой работе, посвященной истории горной промышленности Карелии, содержащей немало ценной информации,

Арсеньев попытался ответить и на многие вопросы, связанные с развитием всего отечественного горного дела, сравнил эффективность государственных и частных горных предприятий и оценил значение иностранных специалистов и зарубежных технологий для горной промышленности России. На этот труд Арсеньева ссылались дореволюционные историки горного дела. Одновременно им был составлен и статистический очерк Олонецкой губернии.

Божьим промыслом сына Константина Ивановича Юрия Арсеньева судьба тоже связала с Олонецким краем. После окончания Царскосельского лицея он поступил на государственную службу. В 1861 году был назначен губернатором в Смоленск, а через год переведен на ту же должность в Петрозаводск, где за 8 лет своей деятельности немало сделал для преуспеяния Олонецкой губернии. Затем он стал губернатором Тульской губернии, где и скончался в 1873 году.

В 1864 году больной К. И. Арсеньев приезжает к сыну в Петрозаводск. Но жить ему оставалось недолго. 29 ноября (11 декабря по новому стилю) он умирает. Местом его захоронения становится Зарецкий Крестовоздвиженский храм в Петрозаводске, сохранившийся до наших дней. Сохранилась и могильная плита со скромной надписью: «Тайный советник Константин Иванович Арсеньев, родился 12 октября 1789 года. Скончался 29 ноября 1865 года».

Архивные документы, найденные Ильей Сергеевичем Глазуновым, свидетельствуют, что К. И. Арсеньев участво-

вал в работе специальной комиссии по установлению места захоронения освободителя Москвы от поляков князя Дмитрия Пожарского. Прах его был обнаружен в одной из гробниц Суздаля 23 февраля 1852 года. Тогда над останками великого сына России воздвигли мраморный памятник. Но в 30-е годы XX века его постигла печальная участь, равно как и храм, где были захоронены останки Козьмы Минина, славного сподвижника Пожарского. Храм был взорван, а на его месте соорудили здание обкома партии. А в суздальском Спасо-Ефимьевском монастыре, где находилось надгробие Пожарского, вначале была тюрьма, затем колония для малолетних преступников. Потом это место превратилось в мерзость запустения с грудой мусора.

Илья Сергеевич в годы господства коммунистической идеологии сумел «пробить» об этом материал в прессе, обращая внимание на глумление над отечественной историей и культурой. Наверное, это подействовало, и на месте захоронения Пожарского был установлен его бюст.

Крик души

Для воссоздания атмосферы, в которой происходило формирование личности будущего художника, расскажем и о другом его предке – генерале Федоре Алексеевиче Григорьеве. Самого Федора Алексеевича Илья Глазунов, естественно, знать не мог, ибо тот скончался в 1924 году. Но образ его берегли в семейной памяти, тем более что живым напоминанием о нем была его здравствовавшая супруга – сестра бабушки Ильи Сергеевича – Наталья Дмитриевна, до замужества носившая фамилию Прилуцкой. По детским впечатлениям художника она, появляясь у Глазуновых, привлекала бодростью, миндалевидными глазами и седыми волосами, причесанными волной наверх, а также изящными шнурованными сапожками, как у Незнакомки Блока, которые прежде всего замечал играющий на полу в солдатики Илья.

Сам же Ф. А. Григорьев – личность удивительная, заслуживающая особого внимания. После окончания военного училища он участвовал добровольцем в сербско-турецкой войне. После ранения вернулся в Россию, где по выздоровлении продолжил военную службу, а затем преподавал в военно-учебных заведениях. Несколько лет был директором Воронежского кадетского корпуса. В 1904 году по воле великого князя Константина Константиновича Романова, начальника Управления военно-учебных заведений России, пере-

веден на должность директора Первого Петербургского кадетского корпуса.

Константин Константинович известен как переводчик, талантливый поэт, писавший под псевдонимом «К. Р.». По его религиозно-исторической драме «Царь Иудейский» был поставлен спектакль, в котором он сам сыграл главную роль.

Незаурядные организаторские способности Федора Алексеевича раскрываются в его переписке с Константином Константиновичем. Великий князь стал и его крестным отцом на литературном поприще, настояв на том, чтобы Федор Алексеевич приступил к регулярному ведению записей событий текущей жизни. Эта возложенная на него обязанность переросла в привычку и потребность. Так, были написаны удивительные мемуары под названием «Дед – внукам». Затерявшиеся на долгие годы записи Федора Алексеевича были найдены Ильей Сергеевичем в начале 90-х годов прошлого века. Нашлась и переписка деда с великим князем. Мемуары до сих пор не изданы. Между тем они представляют огромную историческую ценность как объективное свидетельство современника и участника событий в России последней трети XIX и первой трети апокалипсического XX века. Мемуары Федора Алексеевича можно поставить в один ряд с «Окаянными днями» Ивана Бунина, петербургским дневником Зинаиды Гиппиус, запечатлевшими зловещую атмосферу революционного переустройства. Но если Бунин выражает мироощущение русского дворянства, а Гиппиус – мировоззрение,

сложившееся в недрах Серебряного века, то Федор Григорьев опирается на представления о здоровом русском национально мыслящем человеке, неразрывно связанном с землей.

Я познакомился с записями Федора Алексеевича в пору перестроечного разбоя, когда все подвергалось тотальному разорению и разграблению. И меня поразила схожесть этой стихии с той, которая захлестнула Россию после Октябрьского переворота. Хотя, собственно, чему было удивляться, если «архитекторы» и «прорабы» так называемой перестройки открыто объявили себя последователями революции. Можно было только предполагать, что за этим последует. Однако трагическое настоящее превзошло все самые немыслимые предположения.

Вот одна из записей Федора Алексеевича (конец 1918 г.):

> ‹…› «Теперешняя наша жизнь есть сплошная мука. Вечно голодный, думаешь только о том, как бы утолить голод, а потому не можешь заняться каким-нибудь другим делом. Кроме голода еще хуже одолевает холод: в комнатах от 4 до 7°, дров нет… Такой жизни не жаль, и смерти ждешь как избавления, тем более что знаешь: здесь, на этом свете, дальше будет все хуже и хуже…
>
> Посмотрите, каким ореолом окружены лица, стоящие во главе правительства! Как они живут и чем питаются! И если это до некоторой степени присуще лицам, стоящим во главе правительства (Ленину, Троцкому, Зиновьеву и др.), то, казалось бы, не к

лицу низшим агентам его. Но посмотрите, как живут комиссары… И вообще власть имущие. А посмотрите, какие размеры приняли разного рода хищения и как они часты! Этого не скрывают даже правительственные газеты, хотя, разумеется, они сообщают не все. Например, нам достоверно известно, что наш ремонт не начинается до сих пор и доставка дров застопорилась потому, что комиссар, стоящий во главе Инженерного управления… удрал, захватив с собой б миллионов. Его «залапали», но, говорят, без миллионов. В газетах об этом ни слова, и вряд ли его будут судить, так как он бесспорный коммунист… Хищения же в грандиозной степени увеличились».

Позволю себе процитировать еще некоторые выдержки.

«7.09.1919 год.

Что ныне, в правлении большевиков, бросается особенно в глаза – это невозможная волокита и безобразные порядки, принятые как бы нарочно для того, чтобы возмутить народ.

Не зная точной статистики о числе ежедневных смертей в Петрограде, а только вспомнив число смертей в среде своих знакомых за последний только год (более полсотни наберется), – число их громадно! А число жителей, по официальным данным, уменьшилось уже наполовину! Присутствуя же на отпевании умерших в церквах на кладбищах… не понимаешь, как это Петроград еще не весь вымер?! Но на этих темах останавливаться не следует. Давно решил жить

сегодняшним днем: день прожил – благодари Бога. А завтра умрешь – благодари еще больше».

«21.08.1920 г.

Если верить книге Нилуса («Великое в малом»), то самодержавие Иудейского царя, если сионистам удастся ввести его в жизнь в той форме, в которой они проектируют в теории, пожалуй, будет наилучшая форма правления на земле. Но сколько надо еще сделать преступлений, чтобы этого достигнуть! Но сионисты придерживаются иезуитского правила: «Цель оправдывает средства!» А поверив книге Нилуса, нетрудно допустить, что и наше советское правительство (в большинстве евреи) преследует ту же цель сионистов. Тогда по крайней мере многое непонятное делается понятным».

«17.03.1921 г.

При своем воцарении большевики обещали «свободу, мир и хлеб». Эти заманчивые слова и привлекли на первых порах на их сторону темные массы. Ни одного из своих обещаний они не выполнили, вместо свободы – беспримерный в истории гнет…

Крестьян обирают дочиста: хлеб, лошади, коровы и пр. остаются в очень ограниченном числе. За оставленную корову – налог молоком и маслом. Вообще грабеж в огромных размерах!»

«18.03.21 г.

С конца прошлого года и по сие время число краж,

грабежа, мошенничества и др. сильно возросло…

Пришел под американским флагом пароход «Феникс» (если не ошибаюсь) с пищевыми продуктами для русских (?) детей. Капитан немец. Начали разгружаться, но капитану пришлось разгрузку прекратить: рабочие (русские) начали систематически воровать груз. Капитан донес в Смольный, что возобновит разгрузку только под охраной воинской части. Прислали красноармейцев. В комиссии, руководящей раздачей провизии, два доктора – евреи. Сына М., а также другого из наших преподавателей с русской фамилией не признали достойными получить продукты. М. говорит, что раздают по преимуществу детям-евреям. Очевидно, это помощь американских евреев своим русским соотечественникам! А евреи у нас, как я уже упоминал неоднократно, не голодают, в хвостах ни одного нет, все вновь открытые лавки – еврейские! Без погрома дело не обойдется, очевидно. Говорят, что в Польше и у нас в западном крае они уже начались.

Немец, капитан парохода «Феникс», по словам М., говорит: «Антанта вас, русских, считает теперь самым позорным народом в мире! Не ожидайте, что кто-либо окажет вам какую-нибудь помощь. Чем вы скорее передохнете, тем для Антанты выгоднее!»

Спекуляциями и аферами занимаются чуть ли не все. Только и слышишь: «перепродал то-то», «спекульнул на том-то», один мой знакомый лицеист… скопил оборотный капитал, а его жена ходит в бриллиантах.

В дополнение к ранее описанным картинкам нашей культурной жизни прибавлю то, что рассказывал на днях помощник заведующего продовольствием на наших курсах, это простой донской казак. По обязанности службы он во время балов и концертов присутствует в кухне: «Ну и «свобода» теперь. Бога упразднили, и без всяких стеснений! Летом во время собраний парочки выходят и прямо под деревом… И зимой, заглянув в подвал, диву дался: три-четыре пары, не стесняясь и стоя»… Поистине русские люди превратились в животных…»

«21.12.1923 г.

Нахожу необходимым отметить следующее. Во-первых – катастрофическое падение экономического барометра. Цена золотого рубля сегодня 2160 миллионов и ежедневно усиливается на 50 миллионов. Это официальный курс, на черной бирже за бумажный червонец (21 600 млн.) дают 2–$2^1/_2$ миллиарда и больше, а за золотой червонец дадут и 30 миллиардов! Параллельно с этим и цены скачут сногсшибательно! Сегодня 1 фн. Хлеба – 100 миллионов, ситник – 200 миллионов, мясо – 1 млрд., масло – $2^1/_2$ млрд. и т. д. О мануфактурах и говорить нечего: ботинки дамские 30 млрд. За переделку казенной суконной рубашки на «френч» 14 млрд.!!!»

«Январь 1924 г.

…Петроград переименован в Ленинград. Масса

учреждений и заводов переименованы в Ленинские и пр. и пр. Что Ленин лицо историческое – никто не сомневается, но оптимисты, хотя и немногочисленные, не унимаются. Теперь сплетничают, что могила Ленина залита нечистотами: могилу устраивали во время сильных морозов (до 25 град.), а потому грунт пришлось взрывать, эти взрывы разрушили фановые трубы. Думаю, что это сплетни. Но курилка – жив, по-моему, укрепляется. Газеты наши опять подняли головы и наполнены статьями победоносными…»

Между прочим, когда известие о нечистотах, заливших место захоронения «вождя мирового пролетариата», было сообщено патриарху Тихону, тот, слегка задумавшись, кратко отреагировал: «По мощам и елей».

Наверное, нет необходимости комментировать этот крик души Федора Алексеевича. В наше время в подобном положении оказались миллионы соотечественников. В той обстановке он выжил чудом.

Известно, в каких масштабах тогда уничтожались лучшие представители России, начиная от видных царских сановников, священнослужителей, офицерства, купечества и крестьянства и кончая самими пролетариями, в интересах которых якобы свершалась революция. Ведь что значило быть директором такого привилегированного заведения, как Первый Петербургский кадетский корпус. Основанный по указу императрицы Анны Иоанновны в 1731 году как Шляхетный кадетский корпус, он стал первым высшим военно-учеб-

ным центром по подготовке офицерских кадров. Кроме того, воспитание молодежи велось так, что выпускники корпуса могли проявить себя в любой сфере государственной деятельности. Среди первых воспитанников – такие одаренные личности, как Сумароков – автор первой русской трагедии «Хорев», Херасков, Елагин и другие, прославившие впоследствии наше Отечество. Здесь возникло «Общество любителей российской словесности». Постановка «Хорева» в корпусе стала важнейшим событием культурной жизни того времени. Кроме того, там появился балет, начал выпускаться первый частный журнал. Так что с начальных дней существования первый кадетский корпус стал, по выражению императрицы Екатерины II, «рассадником великих людей». И неслучайно в стенах этого заведения, размещенного в доме, некогда принадлежавшем знаменитому князю Меншикову, воспитывались члены императорской фамилии (в том числе и сын великого князя Константина Константиновича Иоанн, а также последний наследник престола Алексей), а его державными шефами являлись российские государи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.